

minibo**OK**

ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ

МОЕ ЗНАКОМСТВО С БУЛЬДОГАМИ

Москва
2016

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Оформление серии А. *Старикова*

В оформлении обложки использованы репродукция картины «Мопс в кресле» (1857) художника Альфреда де Дрё (1810–1860) и иллюстрации: YaYaYoYo / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com;
WilleeCole, derGriza / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru

Джером, Клапка Джером.

Д40 Мое знакомство с бульдогами / Джером К. Джером ; [пер. с англ. М. Колпакчи]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 96 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-89856-5

На родине его называли «бестактным пошляком», а «Трое в лодке, не считая собаки» — «шедевром вагонной литературы». Но читатели восторженно приняли прозу Джерома К. Джерома, блестящего рассказчика с искрометным чувством юмора.

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

© Колпакчи М., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89856-5

О СУЕТЕ И ТЩЕСЛАВИИ

Все суета, все люди суетны и тщеславны. Ужасно тщеславны женщины. Мужчины — тоже, даже больше, если это возможно. Тщеславны и дети. Да, да, дети особенно тщеславны.

В эту самую минуту одна маленькая девочка изо всех сил колотит меня по ногам. Она хочет знать мое мнение о ее новых туфельках. Говоря чистосердечно, я от них не в восторге. Им недостает симметрии, изящества, они на редкость неуклюжи (кроме того, мне кажется, что на правую ножку ей надели левую туфельку и наоборот).

Но обо всем этом я умалчиваю. Она ждет от меня не критики, а лести, и вот я начинаю расхваливать ее обновку с прямо-таки унижительным многословием. Иначе этот избалованный ангелочек не успокоится.

Однажды я попробовал поговорить с ней искренно, напрямик, но попытка кончилась провалом. Ее заинтересовало, что я вообще думаю о ней и о ее поведении. Вопрос был поставлен следующим образом:

— Я холосая девочка, дядя? Ты меня любишь?

Я счел это подходящим случаем, чтобы сделать несколько назидательных замечаний по поводу ее нравственных достижений последнего времени, и сказал, что я ею недоволен. Я напомнил ей события, которые произошли не далее как этим утром, и предоставил ей самой решить, может ли мне, доброму, но рассудительному дяде, нравиться девочка, которая в пять часов подняла на ноги весь дом, в семь часов опрокинула кув-

шин с водой и сама покатилаcь вcлeд зa ним по лeстницe, в вoceмь чacов cунулa кoшкy в вaнну, a в дeвятъ чacов тpидцaть пять минyт ycелacь нa шляпy cвoeгo poднoгo oтцa.

Как, по-вашему, она ответила мне? Поблагодарила меня за откровенность? Задумалась над моими словами, решив отныне запечатлеть их в своем сердце и вести более достойный и благородный образ жизни?

Ничего подобного, — она разревелась.

Более того, она перешла в наступление:

— Злой дядя, бяка, гадкий! Скажу на тебя маме!

И она в самом деле пожаловалась своей маме.

С тех пор, когда она интересуется моим мнением, я не выдаю своих истинных чувств, предпочитая выражать безграничное восхищение всеми поступками этой молодой особы, какой бы оценки они ни заслуживали. Тогда она одобрительно кивает головой и семенит прочь, чтобы похвастать моим отзывом о ней перед всеми остальными членами семьи.

По-видимому, этот отзыв служит ей юридическим основанием для корыстных притязаний; по крайней мере, до меня неоднократно доносились заявления вроде:

— Дядя сказал, я холосая девочка, мне надо два пеценья.

И вот она расхаживает, восторженно разглядывая носки своих туфель и бормоча, что они «холосенькие». Посмотрите на нее — всего два фута и десять дюймов, а сколько в ней тщеславия и чванства, не говоря об остальных недостатках!

Все дети на один лад. Помню, как однажды, в солнечный день, я сидел в лондонском пригороде, в садике возле дома. Вдруг откуда-то сверху, из соседнего дома, до меня донесся пронзительный, пискливый голосок. Обращаясь к какому-то невидимому существу, находившемуся где-то поблизости, голосок утверждал:

— Бабушка, смотри, какой я хорошенький! Я надел штаны Боба, слышишь, бабушка!

Да что люди! Животные — и те тщеславны. На днях я видел большого ньюфаундлендского пса. Он сидел перед зеркалом

у входа в магазин на Риджент-сэркус и разглядывал себя с таким блаженным самодовольством, какое мне случалось наблюдать только на собраниях приходского совета.

Однажды я присутствовал на сельском празднике. Не помню, по какому случаю происходило это торжество. Был не то праздник весны, не то день уплаты земельной ренты. Всюду пестрели цветы, и даже голову одной из коров украсили пышным венком. Нелепое четвероногое целый день разгуливало с необычайно важным видом, будто школьница, нарядившаяся в новое платье. А когда венок сняли, у коровы испортилось настроение, и, чтобы она успокоилась и позволила себя доить, пришлось его снова надеть ей на рога. Это не анекдот, а достоверный факт.

Что касается кошек, то тщеславия у них почти столько же, сколько у любого представителя рода человеческого. Я знал кошку, которая при первом же язвительном замечании по адресу ее родичей подымалась с места и с оскорбленным видом покидала комнату. Зато после цепкого комплимента всякая кошка способна мурлыкать от удовольствия чуть не целый час.

Я большой любитель кошек. Они уморительны, сами того не сознавая. Как забавно выражается в них чувство собственного достоинства. Всем своим видом они как будто говорят: «Как вы смеете! Отойдите! Не прикасайтесь ко мне!»

Вот собаки, те ничуть не надменны. Каждого встречного и поперечного приветствуют они запанибрата: «Здорово, дружище! Рад тебя видеть!»

Когда я встречаю знакомого пса, я хлопаю его по голове, надеваю разными малоприятными прозвищами, опрокидываю на спину, и вот он лежит, широко раскрыв пасть, и вовсе не думает сердиться.

Но попробуйте так обращаться с кошкой! Да после этого она и словом не перемолвится с вами до конца вашей жизни! Нет, если вы хотите заручиться расположением какой-нибудь кошечки, извольте помнить, с кем вы имеете дело, и ведите

себя осмотрительно. Если вы с ней встречаетесь впервые, то советую вам прежде всего сказать: «Бедная кисонька». А потом полезно добавить: «Кто тебя обидел?» И чтобы в тоне слышались ласка и сочувствие. Пусть даже вы сами понятия не имеете, обидел ее кто-нибудь или нет, но если ваши слова прозвучат достаточно искренно, она может проникнуться к вам доверием. А если к тому же у вас хорошие манеры и сносная наружность, она, выгнув дугой спинку, начнет тереться о вас мордочкой. При подобных обстоятельствах вы можете осмелиться почесать ей шейку или пощекотать за ухом, и тогда в знак особой дружбы и любви это чуткое существо запустит вам когти в руку или ногу.

Точь-в-точь как в детском стишке:

Не трогаю хвостик у кошки моей:
Боюсь ее крепких и острых когтей;
Но если ее повкусней накормлю,
Без страха ласкаю я кошку мою.

Последние две строчки дают нам довольно точное представление о том, как кошки понимают человеческую доброту. Совершенно очевидно, что, по мнению кошки, добрый человек должен ласкать ее, гладить и получше кормить. Боюсь только, что столь узкая мерка для определения добродетели свойственна не одним кошкам. Все мы склонны руководствоваться этой же меркой, определяя достоинства и недостатки ближних. Хорош тот, кто хорошо относится к нам, и плох тот, кто не делает для нас всего, что нам хочется. Воистину, каждому из нас присуще убеждение, будто все мироздание, со всем, что в нем обретается, создано лишь как необходимый привесок к нам самим. Окружающие нас мужчины и женщины рождены на свет только для того, чтобы восторгаться нами и откликаться на наши разнообразные требования и нужды.

И вы, дорогой читатель, и я — мы оба являемся в собственных глазах центром вселенной. Вы, как я себе представляю, были созданы предусмотрительным Провидением, чтобы обес-

печить меня читателями, между тем как я — с вашей точки зрения — являюсь предметом, посланным в мир с единственной целью сочинять книги, которые вы могли бы читать. Звезды — так мы называем мириады других миров, несущихся мимо нас в вечном безмолвии, — существуют лишь для того, чтобы небо по ночам казалось нам более таинственным. А грустная и загадочная луна, постоянно прячущая свое чело в облака, является всего-навсего поэтической декорацией для любовных сцен.

Боюсь, что большинство из нас рассуждает, как бентамский петух миссис Пойзер, который воображал, что солнце всходит каждое утро единственно для того, чтобы послушать, как он кукарекает. «Тщеславие вращает шар земной». Я не верю, чтобы со дня Сотворения мира существовал человек, лишенный тщеславия, а если бы такой где-нибудь и нашелся, — каким бы он был неуютным членом общества! Он был бы, конечно, очень хорошим человеком, заслуживающим всяческого уважения. Он был бы удивительным человеком, достойным стоять под стеклянным колпаком для всеобщего обозрения или на пьедестале как образец для всеобщего подражания. Одним словом, он был бы человеком, перед которым все благоговеет, но отнюдь не таким, которого любят, как родного брата, и — чью руку хочется сердечно пожать.

Ангелы — в своем роде превосходные существа, но мы, бедные смертные, таковы, что их общество показалось бы нам невыносимо скучным. Просто хорошие люди и то действуют несколько угнетающе на всех окружающих. Ведь именно в наших промахах и недостатках, а не в наших добродетелях мы находим точки сближения и источники взаимопонимания. Значительно отличаясь один от другого присущими нам положительными качествами, мы как две капли воды похожи друг на друга своими теневыми сторонами. Некоторые из нас благочестивы, другие щедры. Некоторые относительно честны, и совсем немногие могут быть условно названы правдивыми. Но что касается тщеславия и тому подобных человеческих слабостей, то все мы вылеплены из одного теста.

Тщеславие — вот дарованная природой черта, которая роднит весь мир. Охотник-индеец гордится поясом, увешанным скальпами, а европейский генерал пыжится от спеси, выставляя напоказ свои звезды и медали. Китаец любовно отращивает косичку, а светская кокетка ценой невыносимых мучений затягивает талию в рюмочку. Маленькая замарашка Полли Стиггинс с важностью прохаживается по Севен-дай-элсу с рваным зонтиком над головой, а княгиня скользит по гостинной, волоча за собой шлейф в четыре ярда. Какой-нибудь Арри из Ист-Энда радуется, когда своими грубыми прибаутками заставляет приятелей надрывать животики от смеха, а государственный деятель наслаждается возгласами одобрения, которые раздаются после его возвышенных тирад. Чернокожий африканец меняет драгоценные пахучие масла и слоновую кость на стеклянные бусы, а девушка-христианка продает себя, свое белоснежное тело за десяток блестящих камушков и никчемный титул, который она присоединяет к своей фамилии. Все, все они двигаются, сражаются, истекают кровью и умирают под мишурным знаменем тщеславия.

Как это ни печально, но тщеславие — вот истинная сила, движущая колесницу человечества, и не что иное, как лезвие, смазывает бегущие колеса.

Если вы хотите завоевать любовь и уважение в этом мире — льстите людям. Льстите высшим и низшим, богатым и бедным, глупым и умным, и тогда у вас все пойдет как по маслу. Хвалите у одного человека добродетели, у другого — пороки. Восхваляйте каждого за все качества, какие у него есть, но в особенности за те, которых у него нет и в помине. Восторгайтесь красотой уроды, остроумием дурака, воспитанностью грубияна, и вас будут превозносить до небес за светлый ум и тонкий вкус.

Лестью можно покорить всех без исключения. Даже препоясанный граф... — кажется, есть такое звание «препоясанный граф». Я не совсем понимаю, что оно обозначает, если только оно не относится к графу, который вместо подтяжек носит